

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ЭКОНОМИКИ БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Гасанов М.А.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, (г. Томск, 634050, ул. Ленина 30), e-mail: hursud@yandex.ru

Российская модель экономики благополучия является отражением структурных процессов, протекающих в ее структуре. В ней преобладают дегенеративные процессы, характеризующиеся деиндустриализацией с характерным нарастающим технологическим отставанием, старением основного капитала, расширением нерыночного сектора и коррумпированной бюрократии, критическим замедлением внедрения инноваций, консервацией ресурсозатратных технологий, ростом издержек производства, снижением национальной конкурентоспособности. Деиндустриализация экономики порождает структурную десоциализацию, проявляющуюся в разрушении трудового, интеллектуального, квалификационного потенциала, в падении благополучия населения, замедлении социальных лифтов, ухудшения социальных ситуаций. Для ее преодоления важны проведение государственной структурной политики, направленной на формирование социальной платформы как движущих сил новой индустриализации, восстановление промышленной базы и ускоренное развитие машиностроения, дигитализация производства и структурная конвергенция – основа для качественного развития современных отраслей на основе общих цифровых технологий.

Ключевые слова: экономики благополучия, структурные преобразования экономики, деиндустриализация, десоциализация, социальная конвергенция, благополучие пожилых

INSTITUTIONAL TRAPS OF ECONOMY OF WELLBEING TO RUSSIA AND PROSPECTS OF NEW INDUSTRIALIZATION

Gasanov M. A.

National research Tomsk polytechnical university, Russia, (Tomsk, 634050, Lenin St. 30), e-mail: hursud@yandex.ru

The Russian model of economy of wellbeing is reflection of the structural processes proceeding in its structure. In it the degenerate processes, being characterized deindustrialization with characteristic accruing technological lag, aging of fixed capital, expansion of non-market sector and the corrupted bureaucracy, critical delay of introduction of innovations, preservation of resource-intensive technologies, growth of costs of production, decrease in national competitiveness prevail. Deindustrialization of economy generates the structural desocialization, being shown destruction of labor, intellectual, qualification potential, in falling of wellbeing of the population, delay of social elevators, deteriorations of social situations. Carrying out the state structural policy directed on formation of a social platform as driving forces of new industrialization restoration of industrial base and the accelerated development of mechanical engineering, digitalization of production and structural convergence – a basis for high-quality development of modern branches on the basis of the general digital technologies are important for its overcoming.

Keywords: wellbeing economy, structural transformations of economy, deindustrialization, desocialization, social convergence, wellbeing of the elderly

Структурные проблемы российской экономики настолько глубоки, что затрагивают целые поколения техники и технологий, стандартов ведения бизнеса и уровня жизни, развития институциональной среды экономики и общества. Генезис этих проблем носит структурно-сдвиговой характер, достаточно широко исследованный в работах Р. Барра [1], С.Ю. Глазьева [3], О.Ю. Красильникова [4], К. Кларка [10], И. Шумпетера [8], Ю.В. Яременко [9], М.А. Гасанова. Среди экономистов широко распространено мнение о том, что динамика и характер структурных сдвигов органически связаны с периодической сменой

преобладающего в экономике технологического уклада, с массовым внедрением новых ресурсов, видов энергии, способов производства.

Для экономики России периода рыночных реформ одномоментная приватизация промышленности, составлявшей единый централизованный хозяйственный комплекс, отказ государства от финансирования НИОКР, массовый переход от промышленного производства к грондерству как доминирующей форме экономической деятельности, запоздание в формировании инвестиционной политики государства привели к отрицательным структурным сдвигам.

Мы определили отрицательную форму структурного сдвига в российской экономике как деиндустриализацию. Для нее характерна, прежде всего, критическая деградация технологической структуры экономики в период рыночных реформ. Проанализировав данные государственной статистики РФ [2], мы определили, что в экономике России происходит фактически постепенное замещение четвертого уклада третьим (доля третьего за 1990-2010 гг. выросла с 37% до 42%, а четвертого – снизилась с 51% до 47% от ВВП). Деиндустриализация экономики России также связана с сокращением доли промышленности в ВВП на 14% за 1996-2012 гг. а в самой промышленности – со «сжатием» обрабатывающего сектора с 42% до 38% за 2006-2010 гг. Интегральным фактором деиндустриализации экономики России стало отсутствие структурной политики государства, направленной на преодоление отрицательного структурного сдвига, вызванного адаптацией промышленности к новым рыночным условиям, к финансовому кризису, к разрушению прежних межхозяйственных связей и системы дореформенного отраслевого менеджмента, к запоздавшему становлению национальной инвестиционной системы, к деградации научного потенциала, к деинституционализации связей бизнеса и НИОКР.

Структурные последствия деиндустриализации, выраженные в масштабном падении социальных индикаторов, уровня и качества жизни, индекса счастья и благополучия, определяющие социальное благополучие россиян, представляют собой отрицательные сдвиги в различных видах структуры экономики. Проанализировав данные Росстата [2], мы определили эти сдвиги следующим образом:

- в структуре факторов производства многократно снизилась роль знаний и информации как фактора производства. В российской экономике отдача от фактора земли (в виде горной ренты) в 31 раз выше, чем от интеллектуальной ренты (для США, Германии, Франции это соотношений менее 1). Инвестирование средств производства в России опережает вложения в НИОКР в 28,6 раз, в развитых странах – не более 6 раз. Поэтому доля промышленной добавленной стоимости в ВВП в России более чем в два раза отстает от уровня США, Германии и Франции, а доля высокотехнологичного экспорта в ВВП – в 7-12 раз. Это

является основным препятствием роста предложения высокооплачиваемых рабочих мест для технических специалистов – основы современного среднего класса, со стороны российской промышленности;

- в воспроизводственной структуре российской экономики сохраняется высокая доля предприятий с отрицательным чистым накоплением капитала (в 1999-2007 гг. – 65-70%, в 2009 – 69,7%, в 2010-2012 гг. – 66,3%), сохраняются низкие ежегодные темпы его обновления – в среднем 1%. В результате доля оборудования старше 15 лет за 1990-2012 гг. выросла с 25,8 до 56,7%. Это затрудняет выпуск в России конкурентоспособной продукции путем снижения издержек производства; в результате спрос на нее поддерживается только постоянным снижением доли оплаты труда в себестоимости, постепенной девальвацией рубля и государственным протекционизмом (например, в автомобилестроении). Следовательно, в российской промышленности нет экономических условий увеличения рабочих мест с зарплатой, близкой к европейскому уровню;

- в инновационно-технологической структуре экономики сохраняются устаревшие, характерные для 19-го и начала 20 вв. технологические уклады (2-й и 3-й). Образующие их капиталоемкие отрасли добывающей, металлургической, химической промышленности занимают до четверти от российского ВВП, но менее десятой доли в общей занятости;

- в отраслевой структуре российской экономики идет сворачивание инвестирования обрабатывающих производств. За 2009-2013 гг. инвестиции в машиностроение снизились с 8,3% до 3,1% от общего объема, в НИОКР – с 1,5 до 0,5%, в органическую химию – с 2% до 1,4%. В период реформ усилился минеральный вектор экспорта (в 2009-2013 гг. - более 55% от его общего объема), и обрабатывающий вектор импорта (машиностроение – 45%, пищевая – 23%, химическая промышленности – 19% от валового импорта). То есть фактически Россия способствует созданию за рубежом рабочих мест в более трудоемкой обрабатывающей промышленности, и «импортирует» рабочие места в менее трудоемком добывающем комплексе. Отрицательная разница между таким «экспортом» и «импортом» рабочих мест есть, по сути, безвозмездная «передача за рубеж» части социального благополучия. Она накапливается постоянно, с самого начала рыночных реформ, тогда как выигрыш на мировых ценах сырьевого рынка непостоянен и краткосрочен;

- в сегментной структуре возрастают диспропорции рыночного (а также его экспорто- и внутренне-ориентированной составляющих) и нерыночного (в основном ЖКХ и других социальных услуг, железнодорожных перевозок), легального и теневого сегментов (до 20% от ВВП, по методу его корректировки Росстатом). Мы определили, что с начала 2000-х гг. доля нерыночного сегмента в занятости превосходит долю рыночного более чем в три раза, а в производстве ВВП – отстает в три раза. Затем соотношение доли в ВВП к доле в занятости

для экспорто-ориентированного сегмента в 2,7 раза выше, чем для внутренне-ориентированного. Следовательно, само развитие рыночных отношений в российской экономике дало возможность повышения благосостояния для немногочисленной части населения, связанной с рынком сырья, – основы национального экспорта, а также с финансовым рынком;

- в рыночно-конкурентной структуре закрепляется доминирование нескольких корпораций сырьевого и финансового секторов российской экономики. В результате мы наблюдаем монопольное принижение роли оплаты труда в его конечном результате. А с учетом концентрации 85% сырьевых производств в российских моно-городах, реализация работниками своих трудовых интересов и движению к благополучию крайне затруднительна.

Социальные последствия деиндустриализации мы определили как структурную десоциализацию российской экономики. Под ней мы понимаем разрыв многих социальных связей под влиянием отрицательного структурного сдвига, произошедшего в период российских реформ, и глубоких негативных изменений в различных видах структуры российской экономики. Последствия деиндустриализации российской экономики проявились в следующих формах ее структурной десоциализации:

- коллапс приоритетных социальных групп – «таргетных» элит. В России эти группы не имеют устойчивых связей ни с «производящей» группой инженеров и производственных менеджеров, ни «креативной» информационно-знаниевой, поскольку не содействуют ни восстановлению обрабатывающих производств, ни импорту технологий, ни притоку в них инвестиций;

- депривация мотиваций к созидательному труду. В российской экономике нарастающие проблемы отраслевой и инновационно-технологической структуры привели к ослаблению мотивации производительного, добросовестного труда в промышленности и принижению социального статуса инновационной деятельности.

- снижение социальной мобильности, замедление важнейших социальных лифтов, прежде всего, высшего образования, научной деятельности и получения ученых степеней. Высокий уровень вертикальной, в том числе межпоколенной, социальной мобильности, факторами которой является профессиональная карьера, малое и среднее предпринимательство, инновационная деятельность, сервизация экономики, наблюдается сегодня в США, странах Западной Европы. Не случайно в США в первой тридцатке миллиардеров одиннадцать представителей хай-тек [5]. В России, напротив, наблюдается тенденция к наследованию административных постов и формированию «чиновного капитала», распространенного в странах «третьего мира».

Мы проанализировали ряд социально-экономических показателей, прямо связанных с проблемой социального благополучия в России:

- производительность труда и доходы населения. Производительность труда в целом по российской экономике ниже, чем в США и Западной Европе, по промышленности – в 2,6 раз, в сельском хозяйстве – в 3,1 раз [7].

- капитализация доходов домохозяйств. Объемы капитализации доходов домохозяйств в России в среднем не превышают 18 тыс. долл., что почти в 2 раза меньше, чем в промышленно-развитой стране Европы – Чехии, в 6 раз меньше, чем в Германии, и в 18 раз меньше, чем в США. Текущие расходы россиян превышают приобретение инвестиционных товаров в 2,4 раза, тогда как в Германии – меньше в 1,3 раз, в США – в 1,8 раз;

- возможность трудоустройства сообразно получаемой квалификации и соответствие оплаты труда профессиональному статусу;

- территориальная мобильность населения и доступность транспортных услуг. Если для европейских стран характерна внутренняя миграция населения из аграрных территорий в промышленные, то в России – из аграрных и промышленных в финансовые центры (прежде всего, в гг. Москву и Санкт-Петербург). Многократный разрыв в доходах между занятыми в Москве и прочих регионах (в среднем 4,5-5 раз), привел к огромной разнице в социальном благополучии их населения, когда 11% населения России, проживающие в Москве, потребляют до 45% услуг [6].

Безусловно, в экономике подавляющего большинства стран присутствуют все вышеупомянутые сектора. Вместе с тем, секторальная структура не является «застывшей»; она развивается под влиянием двух основных драйверов – научно-технического прогресса и роста благосостояния общества. Это развитие напрямую определяет социальное благополучие населения, которое проходит через ряд этапов своего возрастания.

Мы полагаем, что важнейшим путем преодоления структурной десоциализации российской экономики и возрастания социального благополучия россиян является восстановление индустриального комплекса с широким охватом сырьевых и базовых отраслей с глубокой диверсификацией, усилением вертикальных связей и на этой платформе развертывание инновационной модели развития экономики, с ускоренным становлением информационного и в перспективе сциентарного секторов. Это фактически совпадает с императивом преодоления деиндустриализации, началом которому должна стать инновационная фаза индустриального этапа секторального развития. Под ней мы подразумеваем восстановление обрабатывающей промышленности – машиностроения, радиоэлектроники, самолетостроения, судостроения, производства сверхпрочных пластиков и сверхлегких сплавов и др. отраслей – на новой технологической основе. Такая

неоиндустриализация российской экономики позволит создать технологический, инвестиционный и социальный задел выхода на инновационно-цифровой этап секторального развития. Основным детерминантом технологической модернизации индустрии в России должна стать дигитализация (дословно – «цифровизация») большей части процессов производства материальных и нематериальных благ. Она означает перевод технических, управленческих, финансовых процессов в единый цифровой формат, понятный современным компьютерам, устранение различий между отдельными видами информации. Это должно стать первым шагом к конвергенции технологической структуры – взаимопроникновению и сочетанию различных технологических инноваций, объединяемых общей цифровой формой проектирования, тиражирования и диффузии.

Заключение

Конечной целью конвергенции технологий является структурная конвергенция – особый вид структурных сдвигов, в ходе которой могут сформироваться новые формы сетевых и кластерных структур экономики, а в перспективе – и новых отраслей. Важнейшим социальным результатам структурной конвергенции должна стать анти-десоциализация российской экономики, основными чертами которой мы видим следующие.

Во-первых, формирование новых целевых социальных групп – «технологической элиты», состоящей из специалистов сферы информационных технологий, квалифицированных для работы на промышленных предприятиях, компаниях сферы услуг, государственного управления, а также из инновационных предпринимателей и менеджеров высокотехнологичных фирм. Эти группы должны быть достаточно устойчивы и приоритетны для вытеснения из «элитарных» групп чиновников, предпринимателей-грюндеров и менеджеров сырьевых компаний. Важнейшую роль в их формировании мы отводим государственной политике в сфере образования и занятости, которая должна органически сочетаться с налоговыми освобождениями доходов занятых в инновационных кластерах, с их информационной, инвестиционной поддержкой.

Во-вторых, создание новых социальных ситуаций, обеспечивающих доходность интеллектуальной собственности, устранение административных барьеров на пути инвестирования инноваций и распоряжения ноу-хау, лоббирование интересов инновационных фирм. Это требует институционализации сферы информационных технологий, разработки формальных и неформальных институтов воспроизводства интеллектуального капитала, информации и технологических идей.

В-третьих, повышение престижности и мотиваций интеллектуального труда, научной и инновационной деятельности, изменение социальной роли ученых и инноваторов, специалистов сферы информационных технологий. Они должны перейти от роли

обслуживания потребностей сырьевых производств, торговли и финансового сектора к массовому производству информации как современного фактора производства, на основе которого должны развиваться конвергентные технологии и создаваться нематериальные блага глобального спроса.

В-четвертых, ускорение социальных лифтов, связанных с освоением информационных технологий, с получением современного высшего образования и научной деятельностью. Без формирования «критической массы» национального интеллектуального капитала и его носителей структурная конвергенция, связанная с формированием новых супер-современных, дигитализованных отраслей, невозможна.

Исследование выполнено на базе Томского политехнического университета при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках выполнения научно-исследовательских работ по направлению «Оценка и улучшение социального, экономического и эмоционального благополучия пожилых людей», договор № 14.Z50.31.0029

Список литературы

1. Барр Р. Политическая экономия: В 2-х т.: Т. 1. – М.: Междунар. отношения, 1995.— 608 с.
2. Валовой внутренний продукт и валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности в 2012 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab10.xls.
3. Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. – 2009. - №3. – С.26-32
4. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги как фактор экономического роста в современной России / Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы Ч. 2. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003. – С. 156-178.
5. Рейтинг журнала «Форбс». URL: <http://www.forbes.ru/reitingi-photogallery/251513-bogateishie-lyudi-planety-2014-reiting-forbes/photo/1>.
6. Средняя заработная плата в России и других странах мира в 2014 году // Портал «Деловая жизнь». URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2014.html>.
7. Фомченков Т. Их не догонишь // Российская газета. 2014. 2 июля. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/02/proizvoditelnost.html>.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 540 с.

9. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997. – 286 с.
10. Clark C. The conditions of economic progress. – London, Logan Pub., 1991. – 326 p.

Рецензенты:

Барышева Г.А., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск.

Канов В.И., д.э.н., профессор, Национальный исследовательский Томский Государственный университет, г. Томск.